

Андрей МАКСИМОВ

К А К Т У С
(ИВАНОВ ИЗ ГОРОДА ГОРИНА)

веселенькая история в 2-х частях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ИВАНОВ Олег Михайлович (по паспорту **Исай Мойшевич Зильбер**), одинокий человек, недавно справивший свое шестидесятилетие; бывший учитель русского языка и литературы средней школы города Горина.

ИРИНА ЛУСИНА, ищущая девушка 26 лет; ученица Олега Михайловича.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ, нервный мужчина 40 лет; друг Ирины

МАША (по кличке **Муся**), молодая девушка, чья фамилия не имеет значения, а профессия имеет

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА, женщина бальзаковского возраста, преподаватель истории и директор средней школы города Горина

СЕМЕН ИВАНОВИЧ, ее муж и ровесник; преподаватель математики средней школы города Горина

Наши дни.

Небольшой районный центр Горин.

Где-нибудь в России.

Между первой и второй частью проходит месяц.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Темнота.

Слышно, как в темноте со скрипом открывается дверь и входит человек. Человек опускает на пол тяжелую ношу.

ИВАНОВ *(из темноты)*. Они все время выключают свет, потому что у них там кто-то кому-то не заплатил. Хорошо. Но при чем тут я? *(Говоря текст, Иванов ходит в темноте, падают какие-то предметы, очевидно, что он ищет свечку)*. Господи, почему ты наградил меня жизнью в стране, где все отвечают за всех, но никто не отвечает за себя? *(Чиркает спичка, загорается свеча)*. Настя говорила: «Выброси этот старый подсвечник, укрывать дом он не может, а больше не для чего не пригодится...» Настя всегда была такой оптимисткой... И это при ее-то должности... *(Говоря это, зажигает остальные свечи)*.

Становится видна обстановка его комнаты, - обычной комнаты небогатого человека: шкаф, письменный стол, сервант, все очень старое. На тумбочке – старый телефон с поворачивающимся диском. Очень много книг. Везде, где только можно, - на стенах, за стеклом шкафа и серванта – фотографии жены Иванова, Насти. Разговаривая, Иванов периодически обращается к этим фотографиям..

Еще один его собеседник – большой, нелепый, но симпатичный кактус, стоящий на авансцене. Обращаясь к кактусу, Иванов одновременно обращается и к зрителям.

(Кактусу). Надеюсь, ты не забыл, что сегодня, - день рождения моей Настеньки, и мы, как всегда, будем отмечать его с тобой вдвоем? Впрочем, нет, сегодня ни совсем, как всегда... *(Открывает бутылку водки, наливает себе)*. Первый тост сегодня будет за старость. *(Фотографии на стене)*. Настя, ты не успела побывать старой, так я тебе скажу: не огорчайся. В старости Господь дает человеку последний шанс усмирить свою гордыню, превращая нас в немощных и больных. А у тебя гордыни никогда не было, потому что всю твою душу занимала любовь. *(Пьет; кактусу)*. Она любила тебя, любила меня. Кто нам еще нужен? Помнишь, как мне Настя говорила? Ты, говорила, человек по натуре занудливый, но зато смешной, и не похож ни на кого. Тебя она, между прочим, любила за то же. *(Внимательно смотрит на кактус)*. Интересно, у вас, цветов, есть евреи? Может, вы – кактусы, цветочные евреи и есть? Такие непохожие и такие колючие? Почему нет? Все. Хватит умничать. Давай лучше посмотреть, какие подарки принес я на Настин день рождения. В нашей стране подарки всегда сваливаются неожиданно. Гадости они готовят долго, а подарки у них получаются вдруг. Надо же, чтобы именно сегодня они решили закрыть публичную библиотеку. Теперь там, видишь ли, будет ночной клуб. Скажи, что хорошего может быть в городе, где по ночам люди вместо того, чтобы делать детей, шляются Бог знает куда? И они еще переживают по поводу демографии! Закройте ночные клубы, и вы решите этот вопрос. Так нет! Они закрыли библиотеки. *(Неожиданно резко замолкает, сжимает кулаки, смотрит на кактус, даже отступает от него. Кажется, что между ними идет какой-то напряженный внутренний*

диалог. Отходит, садится на диван, некоторое время молчит; кактусу). Конечно. Да. Я говорю все это, чтобы не думать про самое главное. Ты знаешь, как я хотел, чтобы на десятилетие ее смерти на ее могиле встал памятник: камень, на котором будет написана ее имя и фамилия. Просто: имя, фамилия... Ну, не указывать же мне ее звания? Но они просят у меня тысячу долларов! Я им говорю: «Моя фамилия – Иванов, а не Рокфеллер!» А они мне отвечают: «Откладываете с ваших доходов». Если я буду откладывать с того, что они называют «доходами», то памятником Насте будет мой голодный труп... Господи, ну Ты ведь всем что-нибудь даешь? Мне уже ничего не надо, мне уже даже жизнь моя особо ни к чему... Так сделай так, чтобы я поставил памятник своей Насте. Кому от этого будет плохо? *(Наливает рюмку; фотографии Насте).* Ладно. Я не буду говорить про грустное. В конце – концов, смерть человека не отменяет его дня рождения. И нам пора уже выпить за тебя, за мою жену, которая...

Звонит телефон.

Короткие звонки, какие бывают при междугороднем звонке.

Это Янис! Настя, он про нас не забыл! *(Берет телефонную трубку).*

Комната погружается во мрак.

Высвечивается коридор квартиры.

Медленно открывается дверь.

Входит ИРИНА, в руках у нее – чемодан.

ИРИНА *(в сторону входной двери).* Ну, что, идешь?

Входит СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ, тоже с чемоданом.

Ирина и Сергей Петрович говорят шепотом.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Погоди, погоди. Надо все обдумать, обмозговать.

ИРИНА. Чего обмозговывать? Вошли уже.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Погоди, я сказал... Слушай, а почему у него дверь открыта?

ИРИНА. Он никогда не закрывает. Говорит, что в его доме есть две ценные вещи: он сам и книги. Никому не придет в голову украсть ни то, ни другое.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Этот твой Иванов, - просто сумасшедший. Дверь не закрывает... Сам с собой разговаривает. Да еще с такой страстью, будто перед ним весь его недоученный класс сидит.

ИРИНА. Я тебе объясняла: он не сам с собой. Он – с кактусом.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Меняет дело. С кактусами, как я понимаю, у вас в городе Горине беседуют предельно нормальные люди.

ИРИНА. Не хочешь идти, - не надо. Сейчас тихонечко выйдем, и все...Как не было...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вот именно. Даже могилки не найдут...

ИРИНА. Не паникуй. То, что мы с тобой придумали, принесет нам кучу денег. Кучу!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ты, правда, в это веришь?

ИРИНА. Сереженька, через полгода мы с тобой отвалим на Канары или в Ниццу. Ты был в Ницце?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я и в Москве-то не был.

ИРИНА. А в Москву через два месяца поедем. В Москве – здорово! Я по телевизору видела: у них там в центре ночью светло, как днем. Читать можно. Мы купим какую-нибудь иностранную газету, у них наверняка такие продаются, и будем, как будто мы – иностранцы... Встанем так под фонарем небрежно, и начнем странички перелистывать, словно мы очень по новостям своей иностранной страны соскучились. Представляешь? У них ночью, в Москве, все работает. Там даже нет разницы, что днем, что ночью, - все работает. И вот мы газету полистаем, и пойдем в ресторан, где можно всю ночь танцевать. Мы будем пить вино, кушать какую-нибудь невероятную еду, и танцевать, танцевать, танцевать. И ничего не бояться. Ты представляешь, Сереж, ничего не бояться!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, зови своего учителя!

Коридор погружается в темноту.

В комнате Иванов говорит по телефону.

ИВАНОВ. Спасибо, Янис, ты знаешь, может, и приеду посмотреть, как ты живешь. У меня ж теперь времени полно. Да, я на пенсию вышел. Первый год. Что? На материальную сторону жизни это не влияет: нам ведь, что зарплату не платят, что пенсию, - так что все равно. Спасибо большое. Если надумаю, я тебе позвоню. Спасибо за память. Пока! *(Кладет трубку; кактусу)*. Как тебе это нравится? Он звонит каждый год, уже десять лет, и благодарит Настю. В нашей стране так легко заслужить благодарность! Надо просто быть нормальным человеком, и тебя все будут за это благодарить. *(Подходит к столу, поднимает рюмку)*. Ну, что ж, пора выпить за тебя, за мою жену...

Голос Ирины из коридора: «Олег Михайлович, к вам можно?»

Ну-ка, еще раз!

Голос Ирины из коридора: «Неужели вы меня узнаете через столько лет по голосу?»

По почерку я бы тебя узнал с первого раза, а по голосу, - со второго. Заходи, Ирина Лесина!

Входит ИРИНА и СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ.

Молодец, прямо с вокзала пришла. И правильно. Не надо мозолить глаза своему отчиму. Чего замерла на пороге? Поставь, наконец, чемодан, иди, поцелуй своего старого учителя и расскажи, как тебе пригодились в жизни мои уроки.

ИРИНА. Здравствуйте, Олег Михайлович! Они мне правда пригодились... А чего это у вас бутылка открытая? Вы ж не пьете. У вас, - праздник? Гостей ждете?

ИВАНОВ. Гостей я давно не жду. А праздник у меня, - действительно. Самый большой праздник: день рождения моей Насти. И сейчас мы, по традиции, выпьем «на троих», если ты, конечно, представишь своего кавалера.

ИРИНА. Ой, да... Это Сергей Петрович... Но он – не кавалер, а так – товарищ.

ИВАНОВ. По моим понятиям, товарищ дамы и есть кавалер. (*Протягивает руку Сергею Петровичу*). Иванов. Олег Михайлович.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Сергей Петрович. У вас самая подходящая для учителя русского языка и литературы фамилия: Иванов.

ИВАНОВ. Мне нравится твой товарищ. Он, действительно, думает, что у такого лица может быть русская фамилия? Это псевдоним. Олег Иванов. Если мы, наконец, сядем, и будем выпивать, я расскажу вам, откуда он взялся. Если вы, конечно, меня об этом спросите.

ИРИНА. Что мешает сесть?

ИВАНОВ. Отсутствие закуски. Я не ждал гостей. И хотел закусить вот этой килечкой, которую мне дали родители милого мальчика Леши только за то, что мне удалось объяснить ему за одно занятие, что Пушкин писал стихи, а Достоевский – романы. К своим шестнадцати годам он был не в курсе таких мелочей. Но это не интересно. Ира, пойдем на кухню. От родителей другого ученика мне досталась молодая картошка. И несколько консервов есть... А какие огурчики засаливают родители лоботрясов города Горина!

Ирина и Иванов уходят.

Сергей Петрович ходит некоторое время по комнате, лениво листает книги.

Подходит к кактусу, внимательно рассматривает его, обходит с разных сторон.

Отходит, медленно приближается...

Появляется ИВАНОВ, с любопытством наблюдает за Сергеем Петровичем, который Иванова не замечает.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (*кактусу, шепотом*). Здравствуйте! (*Громче*).
Добрый вечер!

ИВАНОВ. Я сразу понял, что вы – из хорошей семьи. Не стесняйтесь, я тоже говорю с кактусом. Это гораздо интересней и, главное, полезнее, чем беседовать со многими людьми. Не так ли?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, вообще...

ИВАНОВ. Пока Ирина там колдует на кухне, давайте выпьем, наконец, за мою жену. Это была удивительная женщина, вы уж мне поверьте. Если бы вы пришли, когда она была жива, вы бы ели не эту килечку с картошкой, а, например, мясо, запеченное с чесноком. Вы когда-нибудь ели мясо, запеченное с чесноком?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Честно говоря, не помню.

ИВАНОВ. Значит, не ели. Забыть про мясо, запеченное с чесноком, это все равно, что забыть про первое свидание... А Настино варенье? Уверяю вас: в этом деле она победила самого Господа Бога!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. В каком смысле?

ИВАНОВ. Он еще спрашивает! Вишни в ее варенье были гораздо вкусней, чем те, что висят на дереве. Понимаете? Она умудрялась делать вишни вкусней, чем Сам Господь Бог! *(Разливает водку)*. Выпьем за мою жену, которая...

Входит ИРИНА.

ИРИНА. Олег Михайлович, я попробовала открыть консервную банку, а она взорвалась.

ИВАНОВ. Смешные люди: они дают учителю старые консервы, и при этом надеются, что он даст хорошее образование их детям. *(Выпивает залпом)*. Какие консервы, - такое и образование. *(Уходит)*.

Ирина задерживается.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Надо скорее приступить к делу, а то я уже издергался весь.

ИРИНА. Успокойся, я с тобой. Я пойду на кухню, а то – неудобно, а ты пока его развлеки, расположи к себе... Понимаешь? Нельзя же так, с бухты барахты, мол, Олег Михайлович, мы хотим тут...

Входит ИВАНОВ.

ИВАНОВ. Мне кажется, я даже знаю, чего могут хотеть молодые люди, пришедшие ко мне в дом. Ну, не к пьяному отчиму тебе вести своего кавалера?

ИРИНА. Да нет... Я же говорила: мы – просто товарищи. Вы... Напрасно... *(Уходит)*.

ИВАНОВ. Товарищи, так товарищи... Но, если надумаете... Вас, простите, как зовут, я запомнил?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Сергей Петрович.

ИВАНОВ. Сережа, вы живите, как вам нравится, но если вдруг вам за-чем-нибудь понадобится эта кровать, то имейте в виду: на кухне у меня все-гда есть раскладушка.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Простите, но мы в Горин приехали не за этим.

ИВАНОВ. Понимаю. Поверьте, когда вам будет столько лет, сколько мне, вы поймете: то, что вы называете сомнительным словом «это», и есть в жизни самое главное. Все. Я замолкаю, наконец. *(Наливает)*. Давайте нальем, и выпьем все-таки за мою жену, Настю.

Звонит телефон.

(быстро выпивает, берет трубку). Кто это? Нет, вы промахнулись: Сережи здесь нет.

Сергей вскакивает, закуривает, нервно ходит по комнате.

(Кладет трубку на аппарат). Боже, может быть, это вас? Простите. Что вы так нервничаете? Они перезвонят. Извините, ради Бога.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Да нет, ничего, ничего...

ИВАНОВ. Понимаете, я по телефону не люблю разговаривать. И не умею. Когда Настя болела, и ей надо было часто вызывать «Скорую по-мощь», мне поставил это черное чудовище отец моего ученика, чтобы я не ставил его сыну двойку по литературе. Это была единственная взятка в моей жизни, - телефоном. Больше никто не предлагает... Ну, что вы тут бегаєте, как секундная стрелка? Перезвоните им сами.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Олег Михайлович, я вас умоляю: если когда-нибудь кто-нибудь попросит к телефону меня или Ирину, - говорите, что нас здесь никогда не было, нет, и не будет. И что вы вообще нас не знаете.

ИВАНОВ. Так все серьезно? Садитесь. Здесь вас никто не тронет. И бандиты, и милиционеры города Горина, - мои ученики. Вы бы видели встре-чи этих бывших одноклассников! Каждый раз боюсь, что они закончатся пе-рестрелкой. Сядьте. *(Наливает)*. Выпейте.

Пьют.

Молчание.

Водка меняет мир, не замечали? Знаете, почему русские люди пьют? Им ка-жется: они выпьют водки, и мир изменится.

Молчание.

Простите, я пытаюсь глупыми разговорами отвлечь вас от погони.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Это вы меня простите... Я просто нервничаю... Вы знаете, мне вообще-то так хочется как-то... ну... я не знаю... располо-жить вас к себе. А как это седлать я не знаю.

ИВАНОВ. Вы меня уже расположили. Вы с Ириной пришли. Ирина Лесина – одна из моих любимых учениц.

Молчание.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, а как у вас вообще... Это... В городе Горине жизнь?

ИВАНОВ. Вы спрашиваете, как я взял свой псевдоним? С удовольствием расскажу.

Оба смеются.

Эта, действительно, забавная история скрасит нам время до настоящей закуски... Выпьем под килечку?

Пьют.

Мне не хотелось бы вас огорчать, но мое настоящее имя – Исай Мойшевич Зильбер.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я – не антисемит.

ИВАНОВ. Хорошо. Жаль только, что вы не работали в Министерстве образования в те годы, когда мне грозило распределение. Они меня учили в педагогическом институте не для того, конечно, чтобы я стал педагогом, а для статистики... Когда вы учились в институте, у вас на курсе были евреи?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. По-моему, да. Человека два.

ИВАНОВ. Три. У них всегда было именно три еврея. Наверное, они считали «три» круглой цифрой. Я окончил институт с красным дипломом и стал безработным. Но в Советском Союзе не было безработных, и я им портил статистику счастья. Меня вызвали в какой-то очень высокий дом и спросили: «Исай, знаешь ли ты город под названием Горин?» Вот вы, Сережа, знали наш город, до того, как сюда приехали? Правильно. Наш город существует не для того, чтобы о нем знали, а по недоразумению. Я им примерно так и ответил.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Прямо так и сказали? В высоком доме?

ИВАНОВ. Примерно. Я им сказал: «Зачем вы меня спрашиваете про город Горин? Я ведь не учитель географии. Зачем быть учителем географии в стране, где каждое правительство первым делом все переименовывает? Что-то должно остаться здесь неизменным? Так это Пушкин, Чехов, Лермонтов, Пастернак, Булгаков, и другие фамилии, которые, судя по огненному выражению ваших глаз, вам мало о чем рассказывают». Это я им сказал, а не вам. Вы понимаете?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. И они вас не убили?

ИВАНОВ. Зачем? В те годы мода на убийство евреев уже прошла. Они сказали мне: «Идиот, ты можешь учить детей нашей русской литературе и нашему русскому языку, - так и сказали *нашей* русской литературе и *нашему* русскому языку, - но ты должен поменять имя, потому что дети города Горина решат, что Исай Мойшевич – это кличка, а когда ученики называют своего учителя кличкой, - это не хорошо». Я стал думать: в кого переименовываться? Они так часто называли меня «идиот», что я решил назваться Мышкиным. Надеюсь, вы помните такой персонаж?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Конечно. Князь.

ИВАНОВ. О чем я спрашиваю? Разве могла Ирина привести в мой дом не интеллигентного человека? Но я пожалел Федора Михайловича. В конце концов, я решил: зачем я буду тратить свою фантазию, чтобы сделать приятное этим недалеким людям. Вы хотите, чтобы я стал русским? Хорошо. Я стану Ивановым. Олегом Михайловичем Ивановым.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. А почему – Олег?

ИВАНОВ. Вы будете смеяться, но вещей Олег – мой любимый персонаж русской литературы. Вещий Олег, - как звучит!

Входит ИРИНА с салатом.

ИРИНА. Олег Михайлович, я приборы не нашла.

ИВАНОВ. Приборы только я сам смогу найти. Я их хранил на случай поминок, а вот ведь, - пригодились. (*Уходит*).

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Слушай, эти скоты знают, что мы тут. Они уже звонили.

ИРИНА. Ты с ними сам говорил?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Нет. Твой учитель, - классный, кстати, мужик, - сказал, что к телефону звали Сережу.

ИРИНА. У тебя - мания величия. Мало ли Сереж на свете? Ты вообще, Сережка, - паникер. Если бы ты так не испугался, сидела бы я сейчас в своей палатке в областном центре городе Чехове, и спокойно торговала. Подумаешь, сказали ему: «В двадцать четыре часа, - двадцать четыре тысячи долларов». Не такая уж и большая сумма, если вдуматься. Вполне могли бы договориться.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Я тебе тысячу раз объяснял: я не испугался, просто у меня, - гуманитарный склад ума. Я считаю плохо.

Входит ИВАНОВ.

В руках у него – приборы и открытые консервы.

ИВАНОВ. Теперь ничто не мешает нам, наконец, выпить за мою жену Настю.

Звонит телефон.

Иванов идет к нему, но на половине дороги останавливается.

Телефон замолкает.

Все выпивают, молча едят.

ИРИНА. Тихо тут у вас. Даже в ушах звенит с непривычки... Скажите, Олег Михайлович, только честно: неужели вам не хочется, чтобы эта тишина разорвалась однажды веселыми голосами?

ИВАНОВ. Детскими?

ИРИНА. Почему детскими?

ИВАНОВ. Просто я подумал: если ты решала рожать, и тебе некуда деться: живи тут.

ИРИНА. При чем тут рожать? Я вам о другом говорю.

ИВАНОВ. Жаль, что о другом... Люди все говорят и говорят, все – о другом, да о другом... Потом – ба! – жизнь прошла за разговорами, а детей нет. Зачем говорили? Выпьем?

Пьет.

Ребят, мы ж про картошку забыли! Она уже, наверное, готова. (*Уходит*).

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ир, хватит резину тянуть: он – мужик понимающий, ему надо открытым текстом сказать: так, мол, и так. Все, как есть.

ИРИНА. Ага. Прямо так, с бухты-баракты... Мол, решили мы, Олег Михайлович, в вашем доме открыть первый в городе Горине небольшой такой публичный дом. Бордельчик такой. Очень надо, Олег Михайлович. Поскольку нас поставили на счетчик, а иной способ заработать мы не придумали. Так, что ли, я должна сказать?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, и чего такого? Мы ж его не об одолжении просим? Мы его в долю возьмем. Потом он сам говорит, что всех в этом городе знает. Представляешь, какая у нас будет крыша?

ИРИНА. Его, действительно, в этом городе никто не тронет: он же всех учил.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вот видишь, как все хорошо складывается.

ИРИНА. Нет, Сереж, тут ошарашивать нельзя. Здесь особый подход необходим. Надо медленно и постепенно подвести его к этой мысли.

Входит ИВАНОВ.

ИВАНОВ. А картошечка уже почти разварилась.

ИРИНА. Олег Михайлович, вы меня простите за такой вопрос: вам не скучно жить? Ну, днем-то, - ладно: вы в школе. А вечерами не тоскуете?

ИВАНОВ. Я на пенсии, Ир.

ИРИНА. Тем более. Разве вам, не хочется, чтобы в ваш дом приходили молодые люди... ну, и там... девушки... Чтобы голоса звучали...

ИВАНОВ. Про голоса ты уже рассказывала. Ребят, если у вас ко мне какая-то просьба, то вы прямо так и говорите. А то вы мне напоминаете врача, который мне о смерти Насти сообщил. Вышел в коридор и говорит: «Погода сегодня хорошая. А у вас жена умерла».

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вот именно, у вас жена умерла. Вы – человек одинокий.

ИРИНА. А тут молодые люди будут сами к вам приходиться... Веселые такие... Бодрые...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. И деньги будут давать. Понимаете, вы еще и разбогатеете. Вам ведь деньги нужны?

ИВАНОВ. Очень. Тысяча долларов, мне сказали, стоит памятник на Настину могилу.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Тысяча долларов? Не вопрос! За две недели...

Молчание.

Иванов встает, видно, что он сильно взволнован.

ИВАНОВ. Ребята, я знал, что в день рождения моей Насти должно произойти что-то невероятное. Чудо какое-то... Я даже к нему немножко готовился. Даже план написал.

ИРИНА (*растерянно*). План чего?

ИВАНОВ. Да ладно, что я не понимаю, что ли, о чем вы речь ведете? На пенсии ведь делать нечего... Сидел тут, составлял... Просто так... Учебный план...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Учебный план чего?

ИВАНОВ (*не обращая внимания на ее вопрос*). Ребята, я хочу выпить за вас. За то, что с вашей идеей вы пришли ко мне именно в этот день.

Чокается со всеми, выпивает.

Молчание.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. У меня складывается ощущение, что мы не до конца понимаем друг друга.

ИВАНОВ. Да пойдем мы еще друг друга. Пойдем. *(Увлеченно)*. Главное, ведь знаете что? Чтобы из нашей школы не отличники выпускались, а те, кто думать умеет. Понимаете?

ИРИНА. Из какой такой школы?

ИВАНОВ. Не нравится слово? Хорошо! Давайте назовем «лицей», «колледж». Не в названии же дело!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, как вам сказать, название тоже иногда важно...

ИВАНОВ *(видно, что он очень возбужден, на что, отчасти, повлияла и выпитая водка)*. Да как ни назови! Самое главное, чтобы мыслящие люди в нашей школе чувствовали себя хорошо, понимаете? Сейчас я вам расскажу историю...

ИРИНА. Олег Михайлович, мы должны кое-что...

ИВАНОВ. Потом, потом. Вот смотри: у меня в моем последнем классе девочка была, Света Гаева, так она на выпускном экзамене сказала: «Русские люди всегда живут плохо, потому что все время что-то ищут. Западные уже нашли свой доллар, а наши все ищут, ищут, ищут. Что именно ищут, точно не понимают, но зато с такой страстью!» Вот такие девочки нам нужны.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Это правильно: девочки нам очень нужны.

ИВАНОВ. Вы не думайте: и парни есть хорошие. Только их забили, понимаете? Мы же детей наших отупляем специально, чтобы потом с ними было проще! *(Ирине)*. Ты Серафиму нашу помнишь, директрису?

ИРИНА. Ну. У нее муж, - заикающейся математик... Олег Михайлович, мы должны вам объяснить...

ИВАНОВ. Представляешь, Серафима Свете Гаевой поставила тройку только потому, что девочка забыла, в каком именно году мы победили каких-то там рыцарей. Подумаешь, она ошиблась на двести пятьдесят лет. Большое дело! Я хочу спросить: они воспитывают бухгалтеров или мыслящих людей?

ИРИНА. А Фима вообще – дура. Когда я училась в седьмом классе...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ *(Ирине)*. Ты что с ума сошла? Какая Фима? Какая школа? Ты чего вообще забыла, зачем мы припилили в этот, забытый Богом, городок? Ты будешь сейчас ностальгическим воспоминаниям предаваться, а в этот момент в окно просунется рука с пистолетом... Раз! – и нету ни Ирочки, ни воспоминаний...

ИВАНОВ. Здесь третий этаж. Рука не просунется.

Звонит телефон.

Все молча и пристально на него смотрят.

Наконец, Иванов не выдерживает, хватается трубку.

Да. Какого Сергея? Нет тут никакого Сергея. И Ирины тоже нет. Что? Какой счетчик? Если вы по поводу электричества, то мой-то счетчик работает исправно, а вот ваше электричество... Что? Какую лапшу? Мне кажется, молодой человек, что вы, - не местный, потому что все местные – мои ученики, и я их научил находить более красивые метафоры. Всего вам доброго. (*Вешает трубку*).

ИРИНА. Здорово вы их!

Сергей Петрович встает, и начинает быстро ходить по комнате взад – вперед.

ИВАНОВ. Сергей Петрович, если бы вы присели, мы бы смогли, наконец, выпить за память моей покойной жены.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Значит, так: вы меня сейчас все слушаете, и не перебиваете... В конце - концов, я – мужчина, и должен все сказать сам. (*Иванову*). Даже, если это вам очень не понравится.

ИВАНОВ. Сереженька, не волнуйтесь: мне давно уже ничего не нравится, и вы меня тут вряд ли сможете сильно удивить.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Запомните эти слова. Запомните. Итак, я родился в очень хорошей семье. Мой папа умел ладить с Советской властью, и у нас всегда были деньги. Дольки ананасов в собственном соку я ел отнюдь не только на Новый год. Меня учили играть на скрипке, и давали читать книги, которые не возможно было купить в магазине. Пожалуй, единственное, чего мне не смогли дать родители, это хоть какое-нибудь увлечение или призвание.

ИВАНОВ. Понимаю. Если в семье есть деньги, уже как-то бессмысленно искать призвание.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вы не могли бы помолчать? Я и без ваших шуток собьюсь... Простите. Мой папа мог бы поладить с любой властью, однако, после коммунистов наступили такие времена, когда отец перестал понимать, с кем, собственно, надо договариваться. Он договорился не с теми, и его подстрелили. Отец умирал двое суток. Как Пушкин. Перед смертью он умолял меня об одном: не заниматься бизнесом. Когда я подсчитал отцовское наследство, я подумал: кому будет плохо, если я чуть-чуть, совсем немножко, попробую использовать папины деньги для кого-нибудь дела? Я один раз попробовал, второй... И вот теперь я...

ИРИНА. Серез, не надо.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. И вот теперь я – сутенер.

Молчание.

ИВАНОВ. Да, нынче появилось много новых специальностей. Если бы вы были киллером, я бы чувствовал себя менее уютно... Скажите, а те люди, что звонят вам по телефону, это обманутые проститутки?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вы ничего не поняли.

ИВАНОВ. Простите. Просто я впервые в жизни разговариваю с сутенером...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Хотите меня оскорбить? Понятно. А я ведь вам рассказал про свою жизнь с одной целью, я хотел, чтобы вы поняли: иногда судьба играет человеком. Подчас нам приходится делать то, чего нам делать совсем не хочется, то, что нам, может быть, даже кажется отвратительным. Но мы все равно это делаем.

ИВАНОВ. Не хотелось бы вас расстраивать, но как-то и до вашего рассказа я был немножко в курсе всего этого. Я – еврей, преподающий русский язык и литературу в маленьком городе, я кое-что понимаю про судьбу.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Вы ничего не понимаете!

ИРИНА. Сережа, но ведь ты ничего и не сказал.

ИВАНОВ. Вы не волнуйтесь, я уже кое-что понял. Я, например, догадался, что вы не хотите открывать в городе Горине частную школу. И я прошу вас просто, конкретно и доходчиво, как предатель на допросе, ответить мне: что же вы все-таки хотите здесь открывать?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ.

ИРИНА. (хором). Публичный дом! Маленький бордель!

Длинная, и не очень приятная пауза.

ИВАНОВ. Я не прошу у вас метафору того, что здесь будет. Просто скажите, чем вы хотите здесь заниматься.

ИРИНА. Олег Михайлович, миленький, мы с Сережей попали в очень тяжелую ситуацию. Нам срочно нужны деньги. Мы хотим открыть публичный дом потому, что в Горине такого нет, а спрос наверняка существует. Это будет совсем маленький бордель, крошечный, но он позволит нам быстро заработать денег.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. И вам, кстати, тоже. Тысячу долларов на памятник вашей супруге, - это не вопрос, я вас уверяю.

ИВАНОВ. Вы не знали Настю, Сережа. Она бы вряд ли обрадовалась памятнику, построенному на такие деньги.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Извините, но, мне кажется, ей все равно.

ИРИНА. Сережа, как ты можешь!

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. А что за чистоплюйство? Кому плохо от публичного дома? Нам? Хорошо. *(Иванову)*. Вам? Тоже – хорошо: у вас появятся деньги на памятник. Жителям города Горина? Им – прекрасно. В вашем доме, пусть ненадолго, но они обретут счастье и любовь...

ИВАНОВ. Вы всерьез считаете, что публичный дом –единственный способ сделать счастливыми людей нашего города?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Послушайте, на могиле вашей жены нет памятника. Вам говорят: через месяц вы сможете его поставить. У вас есть другая возможность заработать на памятник?

ИРИНА. Сережа, прекрати немедленно!

ИВАНОВ. Честно говоря, - нет.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. А вы не испытываете неловкости, обыкновенной мужской неловкости от того, что на других могилах стоят памятники, а на могиле вашей жены – нет. И никто, кроме вас, уважаемый Олег Михайлович, не поставит его. Понимаете? Никто...

В коридоре раздаётся женский голос: «Олег Михайлович, извините, что я без звонка, но дело – очень срочное».

ИВАНОВ. Господи, Серафиму принесло.

Входит СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА – директор Горинской средней школы, - женщина бальзаковского возраста, но куда более юного темперамента.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Здорово, Олежек! Извини, что без звонка. Выпиваете? Можно с вами? Будет очень кстати.

ИРИНА. Серафима Евгеньевна, вы меня не узнаете?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. До первой рюмки, - нет.

ИРИНА. Я – Ира Лесина.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Да? И что?

ИВАНОВ. Серафима Евгеньевна, это Ирина Лесина, - наша с вами ученица. А это ее товарищ – Сергей Петрович.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Директор всех учеников и не упомнит: слишком забот много. Вот смотрите. *(Вынимает из сумки кипы школьных сочинений)*. Не, не... Сначала выпить. Рюмки все заняты... В чашку налью...*(Наливает)*.

ИВАНОВ. Мы тут, Серафима Евгеньевна, все собираемся выпить за память...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА (*перебивает*). Подожди, не сбивай... Тут такое... Не до тостов. (*Выпивает*). Ученики школы написали сочинение на тему «Кем я хочу стать?» (*Иванову*). При тебе такое сто раз писали, и все было хорошо. Правильно было. Сверху листочка – имя, фамилия, класс... И сочинения были правильные, нормальные... Один хочет стать космонавтом, другая – на ферме нашей работать, как мама, самые смелые писали: бизнесменом.

ИВАНОВ. А теперь, - что?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Теперь эксперименты все проводят. Из Чехова пришел циркуляр: провести сочинение анонимно. Голову бы оторвала этому экспериментатору. Смотри, что получилось. Я их любимые профессии по кучкам разложила. (*Показывает*). Видишь самую большую? Это вот крестные отцы, воры в законе. Чуть поменьше – проститутки. Дальше у нас идут киллеры. Вот - сутенеры. Фотомодели. Бизнесмены. Видишь, два дистрофичных листочка? Эти две идиотки хотят стать учителями. Знаешь, почему они это написали? Потому что знают меня лучше других, и понимают, что я буду почерки сверять.

Сергей Петрович начинает дико хохотать.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (*сквозь смех*). Сверили?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Смешливый какой... Ты не автор ли эксперимента?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Нет, у меня другая профессия.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. А чего ржешь тогда невпопад, если у тебя профессия? Нет, я, конечно, сначала почерки начала сверять, а потом подумала: «Зачем?» Олег, мы кого с тобой выучили? Мы подонков с тобой выучили.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, зачем же так трагично? Бывает, например, что и сутенер, и приличный человек.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Чего-то ты мне не нравишься... Ты не из областной милиции случайно?

Неожиданно Иванов начинает то ли насвистывать, то ли напевать какую-то странную, быструю мелодию.

И под нее танцует. Это не в коей мере не пьяные пляски, скорее, - это танец отчаяния, танец, в котором человек ищет спасения от окружающей жизни.

Олег, ты чего, с ума сошел? Перепил, что ли? Я к тебе пришла за помощью, как к самому опытному педагогу... Надо что-то делать, надо принимать решение... Я хотела бы, чтобы ты в школу вернулся... Учителей хороших не хватает, а тут такое творится... (*Потрясает сочинениями*).

Иванов продолжает молча танцевать.

ИРИНА. Олег Михайлович, вам нехорошо? Извините, если мы вас чем-то обидели, мы можем все переиграть.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Не совсем переиграть, а как-то... я не знаю... передоговариться...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Что вы с ним сделали? Я его вчера в магазине видела, он был нормальным вполне.

Иванов, продолжая танцевать, приближается к шкафу, достает, милицейский мундир.

Танцует вместе с мундиром.

ИРИНА (*Серафиме Евгеньевне, тихо*). У него сегодня день рождения покойной жены. Может, он поэтому так переживает? Видите, мундир ее достал.

ИВАНОВ. Тысячу долларов, говорите, за месяц?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Гораздо быстрее. Я вас уверяю. Недели за две...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Где?

ИВАНОВ (*продолжая танцевать с мундиром*). Когда-то моя жена, которая всю жизнь занималась несовершеннолетними преступниками, не дала посадить в колонию одного маленького литовца, чья семья в свое время была сослана в Горин. Этот мальчик стал директором банка. Каждый год в день рождения Насти он звонит и зовет меня в гости. И теперь я к нему поеду.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Как поеду? А мы?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Не слушай его, Олег, конечно, поезжай. Ты ему, кстати, скажи, банкиру своему, что у нас в школе компьютеров не хватает, а крышу когда в последний раз ремонтировали, вспомни. Все ему расскажи.

ИРИНА. Олег Михайлович, а как же наше дело?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Что еще за дело? Если хорошее, давайте вместе.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (*оглядывая Серафиму Евгеньевну ироничным взглядом*). Вы нам, извините, вряд ли подойдете...

ИВАНОВ. Деньги до Москвы у меня есть... (*Подходит к кактусу, и из глубины горшка достает полиэтиленовый пакет с деньгами; кактусу*). Спасибо, сохранил. Я эти деньги на похороны свои берег. Меня гроб там, костюм, - не волнует. Мне хотелось, чтобы люди выпили за мою память... Но разве вы дадите умереть спокойно?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Олег Михайлович, зачем вы так?

ИВАНОВ. Все! Я уезжаю ровно на месяц. Ровно. Плата за мою квартиру – тысяча долларов.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Сколько? (*Сергею Петровичу*). А вы мне сразу понравились. Я поэтому и разговоры с вами разные завела... А может, вы мою квартирку посмотрите? Она и сама побольше, и дом у меня не деревянный, а каменный.

ИВАНОВ. Я хочу, чтобы сейчас мы все взяли рюмки, и выпили, наконец, за мою Настю.

Все молча наливают.

Если б вы знали, сколько со мной натерпелась моя Настя! Мама выгнала ее из дома, потому что нечего, мол, жидов в дом водить. И тогда Настя взяла свой паспорт, взяла мой паспорт, и поменяла фамилию. Анастасия Александровна Зильбер. Как вам это нравится? Она и с подростками-то стала работать, потому что ей ничего другого не поручали, она доверием милицейским не пользовалась. Детей вот у нас нет. Я все спрашивал Бога: «Как же так? От такой любви и нет детей?» А Он не отвечает. Я думаю, Он подарил мне Настю, и забыл про меня, решив, что у меня и так все хорошо. И я должен поставить ей маленький памятник: красивый камень, на котором будет написано «Анастасия Зильбер». Чтобы люди проходили и удивлялись «Анастасия Зильбер», как же так? Пока человек удивляет людей, он живет! Все! Я уезжаю, а вы тут зарабатывайте мне деньги. (*Поднимает свою рюмку*). За Настю.

Звонит телефон.

З а н а в е с

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Коридор квартиры Иванова.

Слышен настойчивый стук во входную дверь.

Вбегают девушка МАША чья одежда, макияж и манеры очевидно дают понять, что ее профессия - древнейшая.

МАША (бубнит себе под нос). Так хорошо было. Никого. Блаженство, блин, целый месяц! И вот тебе. Почему так: херня никогда не заканчивается, а блаженство неизбежно до финиша доходит?

Стук в дверь становится все более настойчивым.

(под нос). Ну точно: клиент, прямо терпежа у него нет. (Громко). Иду, дорогой, иду! (Открывает дверь). Ой, какой к нам пришел мужчина! Вы случайно не из мексиканского сериала к нам заскочили?

Входит ИВАНОВ.

За тот месяц, что мы его не видели, он преобразился, и даже как будто помолодел.

Он хорошо одет: на нем, - модное пальто, шляпа.

ИВАНОВ. Здравствуйте... А вы ... Тут, значит... Работаете...

МАША. Меня Маша зовут. Можно, - Муся. А можно вообще никак не кликать... Тут уж как клиенту нравится: с базаром или молча....

ИВАНОВ. Да я, видите ли, собственно...

МАША (перебивает). Да ладно, дядька, чего там? Ты не робей. Вроде, взрослый такой, а стеснительный. Раз уж припил, - пошли в комнату. Я тебе про расценки расскажу: у нас за каждую услугу, - свой тариф. Пошли уж (вздыхая) раз пришел...

Иванов и Маша входят в комнату.

Комната абсолютно пуста: ни шкафа, ни стола, ничего... Из мебели – осталась лишь кровать. Да еще – книги по углам, кактус и фотографии Насти на стенах.

ИВАНОВ (растерянно). А где все? Где мебель?

МАША. Я не врубаюсь: ты чего прикинул, что тут мебельный магазин, что ли? Для нашего с тобой дела есть тут самая подходящая мебель. (Показывает на кровать). Чего еще бабе с мужиком и надо, а?

Иванов, не слушая Машу, подходит к кактусу и какое-то время молча стоит около него. Потом приближается к одной из Настиных фотографий, останавливается около нее, молча смотрит.

Узнал?

ИВАНОВ. Что?

МАША. Ну, распознал, конечно. Я только чего-то фамилию ее подзабыла... Не подскажешь?

ИВАНОВ (*растерянно*). Вы знакомы?

МАША. Завидуешь? Еще бы! С такой звездой всем, небось, охота познакомиться... Если хочешь знать: эта знаменитая французская актриса... Вот черт, вылетела фамилия... Да ты сам знаешь, конечно. Ну и вот. Она была тут на съемках... Сериала... Ага... И заходила к нам в учреждение... Не надо так на меня глаза пялить, раз я говорю: что приезжала, - значит, приезжала точно. Ей у нас очень понравилось. Знаешь, как она сказала?

ИВАНОВ (*включаясь в игру*). Как?

МАША. Она сказала такие слова: «Скромное, говорит, у вас учреждение, но в нем видна большая русская душа». Иностранка... Они ж, знаешь, как русскую душу любят... У самих-то доллар вместо души, вот они нашу и любят. Вот. Это я все к чему рассказываю? Актриса эта согласилась быть... Ну, это... Как бы нашим... Типа послом...

ИВАНОВ. Представителем.

МАША. Молодец, дядька, все сечешь. Ага, представителем. Так мы за это представительство небольшую наценку берем...

ИВАНОВ. За что?

МАША. Как за что? Прикинь: такая знаменитость французская ручается за качество учреждения в этом паршивом городе. Мы могли бы за это вообще отпадные деньги драть, а мы так, - скромно, совсем по чуть-чуть ...

ИВАНОВ. Маша, скажите честно: вы это сами придумали?

МАША. Дядька, ты что, мне не веришь, что ли?

ИВАНОВ. Маша, вы мне нравитесь.

МАША. Это хорошо. Сейчас преysкурант изучите и...

ИВАНОВ. Вы мне понравились не в смысле преysкуранта. В этой стране всегда уважали тех, кто говорил правду, потому что правду говорить для нас, - подвиг. А мне всегда нравились те, кто умеет красиво приврать. Ведь, что бы сказать правду, - нужно иметь только совесть, чтобы красиво приврать, - нужно иметь талант.

МАША. Дядька, я чувствую, что ты, - любитель побазарить. Не возражаю. Только имей в виду: разговор со мной тоже денег стоит. У нас все по преysкуранту.

ИВАНОВ. На один вопрос можете бесплатно ответить?

МАША. Ну?

ИВАНОВ. Куда подевалась вся мебель из этого дома?

Молчание.

Звонит телефон.

(в трубку). Алле. Нет, это не Сергей. Как?! Как ни копейки? Подождите! Не надо рычать в трубку, это затрудняет общение! Ни цента не дал вам за месяц?! Как это может быть?! Что я должен ему сказать? Понял. Понял. Похоронного агента. Понял. (*Кладет трубку; Маше*). Где Сергей?

МАША. Отвалил отсюда. Навсегда.

ИВАНОВ. Куда?

МАША. В Чехов отвалил. Или в Булгаков отвалил. Или в Щедрин. Здесь его искать без мазы. Нет его тут.

ИВАНОВ. Маша, мне кажется, вы меня не за того принимаете. Я – Иванов Олег Михайлович. Вам про меня Сергей, наверное, рассказывал?

МАША. Вы чего – из чеховской братвы?

ИВАНОВ. Значит, не рассказывал... Я, Маша, хозяин этой квартиры. Я ее сдал Сергею и Ирине на месяц. Месяц прошел. Я вернулся. Понимаете?

МАША. Чего ж тут не понимать-то? Только ты послушай, сыщик, если ты притащился заниматься делом, - бери прејскурант, считай, и, - вперед! А если ты припилил с ребят деньги срубить за хату, то тебе не светит ничего, - они в отвале.

ИВАНОВ. Вам, Маша, наверное, кажется, что вы говорите на русском языке?

МАША. Все, дядька, чую: делом ты заниматься не собираешься. Ну, и отваливай отсюда. (*Пытается вытолкать Иванова*).

Иванов легко освобождается от Маши, садится на кровать..

ИВАНОВ. Не хотелось бы вас расстраивать, но это мой дом, и я намерен тут жить.

МАША. В каком смысле?

ИВАНОВ. В хорошем. В нормальном. В бытовом. Жить. Так что вам лучше позвать Сергея, я не верю, что он мог уехать.

МАША (*подсаживается к Иванову*). Слушай, дядька, ты, вроде, нормальный такой с виду, без лишних приколов. Отвали ты от Сереги, прошу. Ну не прет у него тут, понимаешь? Ты за месяц – первый посетитель в нашем заведении, и то, если честно, какой-то придурковатый. Подкинь нам еще месячишко, а? И мы тебе настругаем капусты сколько договаривались.

ИВАНОВ. Зачем мне капуста?

МАША. У тебя, че, крыша совсем, что ли, уехала? Мы ж тебе зелеными башлять будем, а не деревом.

ИВАНОВ (*встает, отходит от Маши*). Позовите, пожалуйста, Сергея: я убежден, что он тут.

МАША. Дядька, погоди. Что мы с тобой сами не договоримся?

ИВАНОВ. Позовите Сергея, как переводчика: он будет переводить с вашего языка на нормальный.

МАША. Дядька, ты не заводись понапрасну-то. Ты думаешь, я по нормальному базарить не могу? Я, если хочешь знать, из интеллигентной семьи: у меня папа, между прочим, заведующий отделом кадров военкомата, понял? Знаешь, как я жила? У меня Барби у первой в городе появилась, усек? Не у кого не было, а у меня, - была. Я ее подержать давала за пирожок с капустой. Мне, - пирожок с капустой, - навсегда, а я Барби подержать, - временно.

ИВАНОВ. Извините... Я не знал, что у вас умерли родители.

МАША. Чего это, - умерли? Живы они, о внуках мечтают.

ИВАНОВ. Так почему же вы, - тут?

МАША. Правильно, дядька, давай побазарим по нормальному. Я б тебя, дядька, угостила, да нечем... Я тебе на любые вопросы отвечу, побазлаю с тобой. Ты только не злись. А потом ты похилишься домой, правильно? А через месячишко...

ИВАНОВ. Я – дома.

МАША. Значит, тебя интересует, как я встала на сколький путь? Дура потому что была. Думала: красивая жизнь, мужиков, - как грязи вокруг, опять же, - деньги без напряга... Ну и... Короче: романтика позвала в дорогу, а привела на панель. Сначала в областном Чехове фигней позанималась, потом, - сюда припилила.

ИВАНОВ. Вы, Маша, гораздо лучше, чем хотите казаться. Мне даже жаль, что, в свое время, вы не попали в мой класс: я бы мог немножечко подкорректировать ошибки вашей судьбы.

МАША. Вы умеете корректировать ошибки судьбы?

ИВАНОВ. Знаете, Маша, учитель, - а я – учитель, - это человек, которого Бог создал для того, чтобы он корректировал ошибки чужих судеб.

МАША. А вы, правда, учитель? Или это кликуха такая?

*Раздается стук в дверь.
Иванов идет открывать.*

Стой! Куда?! Вы что? Может, это клиент? Вы ж его напугаете!

ИВАНОВ. Простите... Действительно, дурацкая привычка: в собственном доме бежать открывать дверь.

Стук становится все настойчивей.

МАША. Вот Серега... Замок-то вставил, а на звонок денег уже не хватило. *(Серьезно)*. Господи, если б Ты знал, как мне осточертела моя древнейшая профессия!

Маша и Иванов вместе выходят в коридор.

Маша открывает входную дверь.

На пороге стоит СЕМЕН ИВАНОВИЧ – преподаватель математики и завуч Горинской средней школы.

Ой, какой к нам пришел мужчина! Вы случайно не из мексиканского сериала к нам забрели?

ИВАНОВ. Маша, не стоит тратить свой оптимизм понапрасну: это завуч нашей Горинской школы.

МАША. Услышал Бог мои молитвы.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ *(говорит, сильно заикаясь)*. З-з-здрав-вствуй –т-те. *(Иванову)*. Ты уж-же в-вернулся? Рад т-тебя в-вид –деть...Тебя во-о-обще в ш-школе оч-чень не хва-а-атает: нр-р-равственность па-а-дает. Но я, - о д-д-другом. И - Иванов, я с-слыш-шал, что у тебя д-дома теперь м-можно по-получить удо-до-вольствие за-а-а д-деньги?

МАША. Нет, не услышал меня Бог. Как всегда.

ИВАНОВ *(удивленно)*. Да ты чего, Сень?! А как же Фима?

МАША. Какой еще Фима? Так не пойдет. Мы – учреждение с принципами: многостаночников не обслуживаем.

ИВАНОВ. Не хотелось бы вас огорчать, Маша, но Фима – это Серафима Евгеньевна, его жена, директор нашей школы.

МАША. Ну что ж, заикающийся клиент, тогда пройдемте к койке.

Маша и Семен Иванович в комнате.

Прейскурант изучать будете?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Обязательно. *(Берет преЙскурант)*. Д- дорого у в-вас...

МАША. Дядя, у кого денег нет, - тот со своими собственными Фимами спит.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Вы не в-волнуйтесь: у м-меня д-деньги е-есть. М - меня ин-н-тересует та-к-кой в-вопрос: ту-т на-аписано: лю-любые же-желания к-клиента. Что, со-о-всем лю-любые?

МАША. Дядь, ты что, извращенец?

Раздается стук в дверь.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Н-ну, что е-еще?

Входит ИВАНОВ.

В руках у него – поднос, на котором чашки, чайник, конфеты.

ИВАНОВ. Я подумал: может, вы чайку захотите выпить?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Па-па-шел вон! Я сю-сюда не в ка-кафе п-пришел ч-чай пи-пить! Я- я за-а д-другим п-пришел.

ИВАНОВ. Ты бы, Сеня, лучше и не напоминал, зачем ты сюда пришел.*(Уходит)*.

МАША. Какой добрый человек! Я бы всем людям, которые до пенсии в этой стране прожили и не стали сволочами, давала бы медаль «За отвагу и долготерпение».

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Я сю-сюда п-пришел не д-для то-того, чтоб-бы философ-фствовать. Философ-фствовать я и до-дома м-могу.

МАША. С Фимой? Понимаю. Не хотите философствовать, тогда сверяйте свои желания по прейскуранту.

Стук в дверь.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Ну ч-чего т-тебе?

Входит ИВАНОВ.

У него в руках – поднос, на котором бутылка водки, рюмки, соленые огурцы.

ИВАНОВ. Я подумал: может быть, мы выпьем? Я тут латышскую водку привез, огурчики.

МАША. С удовольствием!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. С-слушай, И- И- в-в-анов, е-если бы я хо-хотел вы-выпить с то-тобой во-водки, я бы та-ак бы и ска-а-азал. Но я п-пришел за д-другим.

ИВАНОВ. Водка совершенно не мешает тому, за чем ты пришел. И даже способствует, как я помню. Посидели бы, поговорили.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Уйди!

ИВАНОВ. *(Уходит, и тут же снова появляется).* Сеня, ты, между прочим, пришел в учреждение, где надо платить деньги. Не хочешь ли ты сказать, что они у тебя есть?

МАША. Это хороший вопрос. Целый месяц в городе Горине не может отыскаться человек, у которого нашлись бы деньги на наше учреждение. А тут – на тебе. Дядька, у тебя зеленые-то водятся?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Д – деньги у м-меня е-есть.

ИВАНОВ. Откуда, Сеня? Насколько я помню: окошко в нашей школьной бухгалтерии давно забили, и правильно сделали. Выдавать через него все равно нечего, а так оно все время открывалось, возникал сквозняк, который очень мешал нашей бухгалтерше решать кроссворды.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. То-только ра-ади того, чтоб-бы т-ты уш-шел, на-а-конец, я те-бе ска-ажу: я п - продал свой з-значок «От – т –личник народ –д –дного п - просвещения».

МАША. Не мути воду, дядя. Кому мог понадобиться ваш значок с таким сомнительным названием?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Сначала я пп-поменял коллекционеру из областного центра свой з –значок на м-медаль «В -ветеран т-труда», а п-потом т – там же п-продал м-медаль с-скупщику з –золота.

ИВАНОВ. Никогда не поверю, чтобы они расщедрились выдавать ветеранам медали из чистого золота.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Не, не, не... Д-ело не в- в этом... С – скуп-пщик п-продал ее д –другому коллекционеру за д-дороже. Я п-продал д-дороже, чем- м к-купил, а он п-продал д-дороже, чем – м купил у мм-еня.

ИВАНОВ. И всю эту потрясающую торговую операцию ты проделал только для того, чтобы провести несколько минут с чужой девочкой в чужом доме?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Е-если у те-тебя ко м-мне бо- больше нет во-вопросов, ты мо-можешь уxo-дить.

ИВАНОВ. Сеня, у меня к тебе слишком много ответов, и потому я уйду.*(Уходит).*

МАША. Слушай, дядька, ты меня потряс, как яблоню. Неужели тебе так хреново с твоей Фимой, что ты придумал мощную операцию только ради того, чтобы перепихнуться с чужой девчонкой? Дядька, мне тебя становится жалко.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Де-дело не в–в этом. И во-обще не ва-ажно в чем д-дело. Вы д-должны вы-выполнять все мо-ои же-желания.

МАША. Согласно преискуранту.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. А д-деньги у- у ме-меня е-есть.

Входит ИВАНОВ.

ИВАНОВ. Извините, мне надо позвонить.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Та-ак. По-понятно. Он не у-уйдет, по-ока я с н-ним не по-оговорю. (*Маше*). По-одождите на-ас на ку-кухне, я е-ему все о-объясню.

МАША. Мальчики, только без рук. (*Проходя мимо Иванова, шепотом*). Сделайте так, чтобы он ушел. Я вас очень прошу. (*Уходит*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Вот ска-ажи мне, И- в-ванов, ч-честно: ты – е-еврей?

ИВАНОВ. Почему этот простой факт моей биографии так тебя взволновал именно сейчас?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Та-ак вот я те- те -бе ска – а- жу: за-заикой быть ещ –ще ху-хуже, чем е-евреем. Хо- хочешь я те-те про св-вой пе-первый у-урок расс-с-скажу? Эт-то на п-практике е-еще бы-было, в ин-ст-и-итуте. Я в-всю но-чь ре-ре-пети-ро-овал, к-а-ак бу-д-ду эт-тим под-донкам объ-я-яснять... Да-а-аже по—помню ч-что... П-про су-му кв-вадратов ка-а-атетов. Я то-олько во-ошел, ск-а-азал: «З-з-з-з-дра-авствуйте! И о-они на-а-ачали ржа-а-ать! Я ни-и-чего не сде-е-лал, то-о-олько ска-а-азал : «З-з-з-з-дра-авствуйте!»», - и смех!

ИВАНОВ. А кой черт тебе понесло в учителя? Если ты так любишь свои циферки, стал бы ученым или бухгалтером.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*перестав заикаться, нервно*). Ты такой же расист, как и все! Если человек от природы заикается, ему, чего, в учителя уже нельзя идти?

ИВАНОВ. Я не это имел в виду. Я просто...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*перебивает*). Это ты имел в виду! Именно это! А если я мечтал быть учителем? Всю жизнь! С детства! Когда меня били во дворе, когда надо мной смеялись в школе, я успокаивал себя: ничего, вот вырасту, вот закончу институт... Тогда вы все узнаете! Знаешь, как я мечтал войти в класс, и чтобы сразу наступила тишина, и чтобы я медленно двигал пальцем по журналу, выбирая кого бы вызвать к доске, а они бы все сидели и смотрели на меня преданными, собачьими глазами? И чтобы я мог сказать: «Останешься после уроков учить правила!», и мне бы никто не мог возразить. Никто! И чтобы родители ко мне приходили на поклон: «Поставьте моему мальчику четверочку», а я бы им: «Хрен вам!»

ИВАНОВ. То, о чем ты рассказываешь, - больше похоже на профессию надсмотрщика. Сеня, ты придумал странную жизнь: объясни мне, от чего это дети должны страдать от твоего заикания?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Не переживай, гуманист, не больно-то они страдают! Я тут недавно узнал: они тотализатор придумали, ставки делают на меня... Сколько, мол, им понадобится времени, чтобы довести меня, и я перестал заикаться: три минуты или пять? Я ведь, когда нервничаю, не заикаюсь совсем.

ИВАНОВ. Сообразительные какие...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Я на Фимке женился потому, что она была единственной девушкой, которая надо мной не смеялась. Ненадолго ее хватило. Она, знаешь, мне какие гадости говорит обидные? Ты, говорит, на девяносто процентов не из воды состоишь, как все нормальные люди, а из тормозной жидкости.

ИВАНОВ (*печально*). Смешно... Мы с тобой сколько вместе работаем, а я ничего этого про тебя не знал...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*снова начинает заикаться*). И ко-кому п-плохо, ес-с –сли я п-пришел сю-сюда, г-где за де-еньги м-мне да-дадут все, что я за-а-ахочу? Ко-кому от э-этого плохо? А ты в-все в-время п-приходишь и мешаешь. И-Ив- в- ванов, эт-то не к-красиво, не ин-т е-ллигентно.

ИВАНОВ. На старости лет, Сеня, нужно ходить в другие места. Мне все-таки надо позвонить. Ты не мог бы выйти на несколько секунд? У меня интимный разговор.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Го-говори, ск-колько хо-о-очешь. Но ко-когда мы ос-станемся с де-девушкой в-вдвоем, ты уже б-о-ольше не за-ходи, хо-хорошо?

ИВАНОВ (*подходит к кактусу*). Как тебе нравится этот страдающий математик? Вот ведь немолодой человек, а не понимает такой простой вещи: когда свои страдания перекладываешь на других, страданий становится не меньше, а больше. (*Крутит диск телефона*).

Затемнение.

Коридор квартиры: СЕМЕН ИВАНОВИЧ и МАША.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Н-ну, с-к-колько же м-можно ра-а-азговаривать? По – по –йди по-посмотри.

МАША. Это не входит в прейскурант.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Ну я п-прошу п-просто... Ка-ак че-человека. П-почему вы меня все у-у-унижаете? Ч-что я д-делаю не та-ак?

МАША. Ладно, дядька. Пожалее тебя, уж больно ты недотепистый.

Маша входит в комнату.

ИВАНОВ стоит с телефонной трубкой в руках. Увидев ее, начинает говорить.

ИВАНОВ. Это, действительно, очень важный и серьезный разговор. Что поделаться, если длинный? У меня есть время. Я вас слушаю. Да-да. Очень интересно. Очень. Продолжайте.

Звонит телефон.

МАША. Вы машинально рычажок держите рукой.

ИВАНОВ. Да? А я тут звонил, а потом как-то... (*В трубку*). Да. Янис? Как я рад тебя слышать. Спасибо, прекрасно доехал, прекрасно. Нет, я никуда не спешу. Куда мне спешить? Наоборот. Спасибо тебе, Янис. Как это не за что? Во-первых, благодаря тебе у меня теперь есть иностранный паспорт. Нет, куда ж мне уезжать от Настинной могилы? Ты плохо помнишь Россию, Янис. Тут иностранный паспорт нужен не для того, чтобы уехать, а просто, чтобы чувствовать себя чуть-чуть спокойней.

Входит СЕМЕН ИВАНОВИЧ.

Главное, - спасибо за деньги. Да-да. Теперь я смогу установить Насте памятник. Нет, я еще не ходил ни к каким мастерам. Я пока только пришел домой, и мне надолго хватит впечатлений.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. И-ванов, ты ре-решил из-дева-аться над на-ами?

ИВАНОВ (*Семену Ивановичу*). Человек из-за границы звонит... (*В трубку*). Нет, Янис, это я не тебе. Да, да, меня тут встречает мой товарищ. Да, конечно, он очень меня ждал, и теперь встречает. Так что ты хотел узнать про мою жизнь?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Эт-то издевательство! (*Подходит к телефону, нажимает на рычажок*).

ИВАНОВ (*кладет трубку*). Сеня, я хотел бы тебе напомнить, что это еще немножечко мой дом.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. П-прости, И-И-ванов, но ты о-обещал о-оставить нас в-вдвоем.

Иванов, однако, никуда не уходит: прохаживается по комнате, подходит к кактусу, к фотографиям.

Маша и Семен Иванович удивленно на него смотрят.

Иванов подходит к окну.

Ив-в-ванов, а т- ты не м-мог бы на-наблюдать пе-пейзаж из ка-а-акого- н-нибудь д-другого о-окна?

ИВАНОВ. Боюсь, Сеня, такой интересный вид только отсюда.

Семен Иванович подходит к окну, пристально вглядывается в даль, потом поворачивается к Иванову.

На его лице – ужас.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Что это?

ИВАНОВ. Если быть до конца откровенным, Сеня, но это твоя жена Фима.

МАША. Класс! Сейчас она тебя застучает!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. К тебе чешет. Что ей от тебя надо-то?

МАША (*радостно*). Ну ты, мужик, испугался: даже заикаться перестал!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Мне нужно срочно куда-нибудь деться.

ИВАНОВ. Могу предложить выход через окно.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*встает на подоконник; крестится*). Ну, Господи, помоги!

ИВАНОВ. Почему Бог должен помогать каждому идиоту, сигающему из окна?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*спрыгивает в комнату*). У тебя же – второй этаж... Спрячь меня куда-нибудь.

Звонок в дверь.

ИВАНОВ. Сделаем просто, но убедительно: ты идешь на кухню, я веду Фиму сюда, а ты в это время убегаешь.

МАША. А я как же?

ИВАНОВ. Ты тоже пойдешь на кухню, и будешь обеспечивать ему отступление.

Семен Иванович и Маша уходят.

Звонок в дверь.

Коридор квартиры.

Иванов идет открывать дверь.

Входит СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Здорово, Иванов! Выглядишь отменно! Вот скажи мне, Иванов, от чего это наш человек из-за границы всегда такой счастливый возвращается?

ИВАНОВ. Тебя интересует, Фима: от чего счастливый или от чего возвращается?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Ох, Иванов, не люблю я твои еврейские шуточки!

Со стороны кухни слышен какой-то шум: ощущение легкой потасовки, вскрикивает женщина.

Слышь, Иванов, а правду говорят, что ты чуть не бордель какой-то в доме устроил?

Шум усиливается.

ИВАНОВ (*нарочито громко*). Пойдемте лучше, Серафима Евгеньевна, в комнату поговорим. (*Очень громко; в сторону кухни*). Пойдемте Серафима Евгеньевна! (*Увлекает Серафиму Евгеньевну в комнату*).

Комната Иванова.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА (*оглядывая комнату*). Не богато живешь, Иванов, не богато. Первый раз вижу комнату учителя, в которой даже стола нет. (*Показывает на фотографии*). Это Настя? Хороший была человек, даром, что милиционер. Ну, че, Иванов, пиши заявление.

ИВАНОВ. Какое заявление?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. О приеме на работу... Мы ж учителя на твое место никак найти не можем.

ИВАНОВ. Понимаешь, Фим, я тебя звал... Как бы это сказать... По-другому несколько поводу.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. С Ириной что-то случилось? Так я и думала! Такая хорошая девка! С ней непременно должна была какая-нибудь гадость произойти!

ИВАНОВ. С какой Ириной?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Как это с какой? Со знакомой твоей. Помнишь? Эта Ирина оказалась таким классным педагогом! Дети ее просто обожают.

ИВАНОВ. Правильно. Я про Иру с Серегой совсем забыл. Ты посиди тут... Ну, на кровати... А там... девушка на кухне есть... Я ее приведу и она нам все расскажет.

Звонит телефон.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Ничего, Иванов, разговаривай. Я сама на кухню схожу. Тем более, интересно поглядеть, что за крики там такие были, сомнительные. (*Уходит*).

ИВАНОВ. (*Кактусу*). Надеюсь, Сеня успел уйти. (*Берет трубку*). Алле. Янис! Нас прервали! У нас в Горине – связь плохая. Все в порядке. Спасибо тебе...

Входит СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. За одну руку она ведет упирающегося СЕМЕНА ИВАНОВИЧА, за другую – немного растрепанную МАШУ.

(В трубку). У нас все хорошо. Празднуем мою встречу... (Кладет трубку, садится на кровать).

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬВНА. Ты погляди, Иванов, чего я у тебя на кухне отыскала!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Ф-фима, ч-что ты се-себе по-позволя-ешь в чу-чужом до-доме? Мы с ко-колегой *(показывает на Машу)* о-обсу-уждали пе-педагоги-че-ческие п-проблемы...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. На кухне?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. А г-где? Вы же ко-комна-нату за-а-аняли, мы не хо-хотели ва-ам меш-шать. Еще не-неиз-вес-стно че-чем вы ту-ут за-а-нимались с Ивановым. Ме-между про-о-очим. В-вдво-оим.

МАША *(Семену Ивановичу).* Дядька, ты молодец! Если бы ты не был таким занудой, я бы в тебя влюбилась, ей-Богу!

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Ф-фима, эт-то она ска-а-а-зала, а н-не я...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Ты что, старый козел, из меня дуру делаешь? У тебя дочь, - взрослая, у тебя, - ученики по всему городу. Только недавно тебе вручили значок «Отличник народного просвещения», не без моей, между прочим, помощи. А ты... Понимаешь... С какой-то...

ИВАНОВ *(перебивает; тихо).* Господи, как же с вами скучно! Коллеги дорогие мои, не могли бы вы уже пойти домой и там выяснять: кто из вас «Отличник народного просвещения», а кто – козел. Пожалейте стены моего дома, они уже и так много чего лишнего понаслушались в последние дни. *(Маше).* Девочка, меня очень интересует два вопроса: где моя мебель, и где Ирина и Сергей. Я уверен, что эти вопросы как-то связаны.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Про мебель, Иванов, сам выясняй. А вот про Ирину мне бы тоже очень хотелось знать: почему, только что взятая мною на работу учительница так нагло прогуливает?

Ни слова не говоря, Маша подходит к стене и три раза бьет по ней.

ИВАНОВ. Маша, вы не путаете мой дом со средневековым замком? В этих тонких стенах можно замуровать только таракана.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. С-с-слушай Ив-ванов, тебе не на-а-адоело все в-время по-о-отшучивать?

ИВАНОВ. Всю жизнь я живу рядом с такими, как ты, Сеня. А с такими как ты по-другому у меня не получается.

МАША. Ой, только не скандальте, я вас умоляю. У меня от скандалов и так уже голова болит. *(Иванову)*. При чем тут стена? Сергей и Ирина прячутся на чердаке. Они боятся... Этих... Ну, вы понимаете, которые по телефону звонят... С тех пор, как вы уехали, они живут на чердаке... На всякий случай...

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Чего-то, Иванов, я не поняла: у тебя тут не просто бордель, а вообще, что ли, сплошной криминал?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Да-да, Ив-ванов, те-тебе м-многое п-придется о-объяснить на-ам. П-правда, Ф-имочка?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Фимочку я тебе дома покажу! Такая будет Фимочка! На всю жизнь отучу педагогические проблемы на кухнях обсуждать!

Входят ИРИНА и СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Здравсьте. Ой, Олег Михайлович, с приездом. Вы, наверное, удивлены... как бы это сказать?.. пейзажем вашей квартиры. Но мы вам сейчас все объясним.

ИРИНА. Здравсьте, Олег Михайлович. Простите нас.

ИВАНОВ. Здравсьте, ребят. Самое главное, что вы в порядке.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА *(Ирине)*. А у меня, Лусина, вам не хочется попросить прощения? *(Начинает заводиться)*. И объяснить, например, почему вас уже четыре дня нет в школе? Вы что считаете, если вам зарплату не платят, то можно и в школу не ходить? У нас всем не платят, а детей, тем не менее, учим. Вы учитель, Ирина, вы должны пример подавать, а не по чердакам скрываться... И вообще...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ *(Серафиме Евгеньевне)*. Не смейте на нее кричать!

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Гляди-ка какой кавалер строгий! И невоспитанный. Сразу видно, что вы не нашу школу заканчивали. *(Ирине; резко)*. Несмотря на заступничество вашего кавалера, я все-таки хочу знать...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. На нее нельзя кричать!

ИРИНА. Сереж, я прошу тебя.

ИВАНОВ. Погодите, погодите... А почему, собственно...

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (*перебывает; Иванову*). Олег Михайлович, вы извините... Мы тут... Нам пришлось все продать... Ну, в смысле... Там... Стол... Там... Шкаф...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. М-мебель.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Ага. (*Семену Ивановичу*). Спасибо. Любителя антиквариата нашли... Ну, и вот... У нас денег, ну, совсем не было. Даже на еду. Город очень бедный оказался: ни одного посетителя за все время, представляете? Но это – временно, временно... Мы скоро заработаем деньги, и купим лучше, новое купим.

ИВАНОВ (*Сергею Петровичу*). Погоди ты про ерунду... Объясни мне лучше про Ирину: с правильно понял, что она...

СЕМЕН ИВАНОВИЧ (*перебывает*). Ты-ты что, Ив-ванов? Ты-ты можешь по-подавать на них в с-суд...

МАША. А я на тебя, дядька, подам: за попытку... сам знаешь чего.

ИВАНОВ. Помолчите вы все! (*Ирине*). Девочка, скажи мне: я правильно понял причину, по которой на тебя нельзя кричать? Да?

Ирина сидит на кровати, опустив голову на плечо Сергея Петровича.

МАША. Так. Атмосфера накаляется, а день был не простой, у меня, у девчонки. (*Иванову*). Олег Михайлович, я там, на кухне, видела такую симпатичную прибалтийскую бутылочку, я пойду ее поразглядываю получше? (*не дожидаясь ответа, уходит*).

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. И я по-пойду по-погляжу на бу-бутылку.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Сидеть!

ИРИНА. Дело в том, Олег Михайлович...

Звонит телефон.

ИВАНОВ. Боже мой, это Янис. Он решил, что нас опять разъединили. (*В трубку*). Да, мой мальчик, это я... Понимаешь, наша связь... Простите... Извините... Какого Сергея? Ах, Сергея... Да-да, конечно, это вы... Не хотелось бы вас обижать, но таким голосом в эту квартиру звоните только вы... Не надо на меня кричать, вы не на демонстрации. Объясните мне, что вам нужно. Да, я передам Сергею. Не надо мне рассказывать про «замочить», расскажите про суть дела. Нет, ну, если я вас спрашиваю, значит, у меня есть здесь свой интерес.

ИРИНА. Сереж, мне страшно... Они ж никого не пощадят.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ (*обнимая Ирину*). Ну, ну, успокойся, что-нибудь придумаем.

ИВАНОВ (*в трубку*). Почему же? Понял. И – сколько? Что такое сто раз по двадцать четыре? Ага. Пени. Понятно. Сколько? Ребята, мы сможем договориться. Как меня зовут? Исай Мойшевич, чтобы вам совсем было приятно. Сразу видно, что вы – сообразительный человек: быстро догадались, что я – жидяра. Да, мы – евреи, очень богатые люди. Очень. Хорошо. Я сейчас же свяжусь с Сергеем и попрошу, чтобы он, как можно быстрее, вас нашел. (*Вешает трубку*). Нет, я еще могу быть для учеников Олегом Михайловичем, но почему я должен скрывать свое имя от этих ублюдков?

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Иванов, браво! Тебе непременно надо вернуться в школу: таких решительных, твердых педагогов нам сегодня очень не хватает.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Олег Михайлович, это страшные люди, страшные. Они не перед чем не остановятся.

ИВАНОВ. Не хотелось бы тебя расстраивать, Сережа, но это не Аль Капоне. Аль Капоне не разговаривает так долго и так трусливо. (*Ирине*). Скажи лучше, девочка, сколько у тебя месяцев?

ИРИНА. А как вы так... сразу... Олег Михайлович?

ИВАНОВ. Беременная женщина, девочка моя, выглядит по-другому. От нее идет такой стеснительный свет. Больше всего на свете я мечтал увидеть, как этот робкий свет исходит от моей Насти.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Олег Михайлович, вы не думайте, что с нами теперь будут хлопоты... Нет, нет, нет... Мы уедем... Мы заработаем денег... Мы...

ИВАНОВ. Скажи лучше: раскладушку мою тоже продал?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Нет, она на кухне стоит.

ИВАНОВ. Там ей и место.

ИРИНА. Олег Михайлович, чего-то вы не то придумали, как мне кажется.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. А м-мне ка-а-ажется, се-е-ейчас бу-удут п-продемонстрирова-аны чу-чудеса б-благородства.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Тебе б тоже не мешало их иногда демонстрировать.

ИВАНОВ. Это не благородство, Сеня. Это простой человеческий расчет. Что мне осталось в жизни? Как следует подготовиться к смерти. Вот и все. А старик перед смертью непременно должен отразиться в глазах ребен-

ка, только тогда ему, старику, становится ясно, что смерти нет. Понимаете? Жить без детей противно, но можно, а вот умирать, - нельзя. *(Достает из кармана бумажник)*. Янис дал мне денег на памятник, и еще некоторую сумму, чтобы я более-менее жил. А сейчас я понял, что могу использовать эти деньги, чтобы жить хорошо. Разве это благородство, а не расчет? *(Протягивает бумажник Сергею Петровичу)*. Здесь хватит и для твоего Аль Капоне, и даже для того, чтобы кое-чего прикупить. Если мы привезем ребенка в дом, где одни только голые стены, он может не до конца обрадоваться миру, в который пришел.

Ирина с плачем бросается к Иванову, целует его. Иванов бережно сажает ее на кровать.

(Ирине). А вот плакать тебе совсем не надо. Он *(показывает на ее живот)* будет расстраиваться.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Олег Михайлович, спасибо вам огромное. То, что вы сейчас сказали... Это невероятно... Немыслимо... Но только это абсолютно невозможно. Категорически.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Иванов, хочешь я тебе честно скажу: я всю жизнь твою Настю жалела. И за то, что она – милиционер, и за то, что у нее детей нет, и за то, прости, что у нее муж, - мало того, что недотепа, так еще и еврей. А сейчас, Иванов, я ей завидую.

СЕМЕН ИВАНОВИЧ. Это все о-очень т-трогательно, но, к-кстати, хотелось бы ска-а-азать про На-а-астю. А ка-акже па-амятник на ее мо-о-огиле?

ИРИНА. Олег Михайлович, мы, правда, вам очень благодарны, но это невозможно: и памятник, и вообще...

Входит МАША. Она слегка навеселе, в руке у нее – изрядно початая бутылка водки.

МАША. Извините, я тут немножко подслушивала. От скуки. *(Иванову)*. Дядька, ты вот такой! *(Показывает большой палец)*. Они думают, что, если ты чего задумал - тебя можно отговорить. Козлы! Дядька ты меня потряс, и вообще все меня потрясло, я задумалась о своей нелепой жизни, и поняла: пора мне с жизнью этой заканчивать. Сразу, резко, навсегда.

ИРИНА. Маш, перестань даже в шутку так говорить. Мало ли чего в жизни бывает.

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ *(Ирине)*. Зря ты ее жалеешь... Проспится, и все эти мысли о самоубийстве...

МАША *(перебивает)*. Кто это тут сказал про самоубийство? Я ж говорю: козлы. Я не с жизнь хочу покончить, а с нелепой жизнью! Конкретно: с нелепой. Внимание! Сейчас буквально на ваших глазах нелепая девушка

Муся превратится в Марию Сергеевну. *(Торжественным шагом подходит к Серафиме Евгеньевне)*. Уважаемая директор школы, возьмите меня, пожалуйста, на работу. Если вы мне также предоставите маленькую комнатку, которая есть буквально при каждой уважающей себя школе, я тоже возвращать не буду.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Ну, одного-то человека мы в школе всегда разместим... Уборщицей, что ли, нанимаешься?

МАША. Обижаете... *(Иванову)*. Я же вам говорила, что я из интеллигентной семьи, что мой папа, - повторяю для тех, кто не в курсе, - заведующий отделом кадров военкомата, то есть, в его услугах нуждались все, у кого есть сыночки. А они есть много у кого. В связи с этим я сначала поступила, а затем окончила институт... Теперь все напрягаются, и вспоминают: какой в городе Чехове институт? Правильно... Педагогический. *(Достает из кармана диплом; Иванову)*. Извините, но мой предмет...

ИВАНОВ. Нет! Господи, не делай этого!

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА *(открывает диплом, читает)*. ... Поступила... Прослушала... Закончила... И присвоена квалификация... О! Педагог русского языка и литературы. Отлично! Иванов, а чего ты расстроился? Нормальная девчонка, сейчас они все такие! Мы ее научим по кухням чужим не шляться, и все будет отлично.

ИВАНОВ. Сережа, ты должен обещать мне одно: когда ваш с Ирой ребенок вырастет, ты его в Горинскую среднюю школу не отдашь. Хорошо?

СЕМЕН ИВАНОВИЧ *(перестав заикаться)*. Иванов, все очень мило. Только я так и не понял по поводу памятника. Ты ведь так хотел его поставить на могиле жены. Как я понимаю: даже бордель открыл, чтобы денег заработать для этой благородной цели. И чего? Денежки-то тютю... Аль Капоне ушли. Или надеешься, что добрый Янис еще пришлет?

СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ. Как вам не стыдно!

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Жалею, Сеня, что ты – не мой сын. А то бы я тебе выпорола... Впрочем, если тебя связать.

ИВАНОВ *(подходит к фотографии Насти)*. Настя, они так ничего и не поняли про памятник. Они так ничего и не поняли. *(Подходит к Ирине, нежно гладит ее по животу)*. Ничего не поняли, но ведь ты, Настя, меня понимаешь? *(подходит к Настиной фотографии)*. Кто будет памятником тебе, ты понимаешь?

Звонит телефон.

(Берет трубку). Вам так невтерпеж деньги получить! Извините... Да-да, здравствуйте. Что-то случилось?.. Серафиму Евгеньевну. Конечно. *(Серафиме Евгеньевне)*. Фима, это тебя из школы. Срочно.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Ни минуты не могут прожить без директора, ни минуты. *(В трубку).* Ну что там еще? *(Обречено).* Как? Откуда бумага? Из области? А мы куда же?.. Как трудоустраиваться? Куда?.. *(Кладет трубку).* Пришла бумага из области... Помните, у нас месяц назад открыли ночной клуб в библиотеке?

ИВАНОВ. Да, я еще оттуда все хорошие книжки унес.

СЕРАФИМА ЕВГЕНЬЕВНА. Клуб разорился. Считается, что из-за плохого местоположения. Ночной клуб переносится в нашу школу. Нам всем предложено трудоустраиваться.

Первым начинает хохотать Иванов, за ним, - все остальные. Эта история не заканчивается немой сценой, она заканчивается безумным, сумасшедшим, веселым танцем.

З а н а в е с

К О Н Е Ц